

ВОЛШЕБНИК ИЗ МАРЬИНОЙ РОЩИ

«Леонид Енгибаров». Сейчас, перебирая в памяти многочисленные воспоминания, приходишь к мысли, что всегда этот виртуоз цирковой арены оставался самим собой. И хотя идут годы и в цирке работает новое поколение, все же часто приходит ощущение светлой грусти оттого, что он был, потому, что его нет среди нас...

Как-то разговорились с ним в конце шестидесятых годов. Он вспоминал Марьину рощу, несвоевременное детство и себя — малыша в штанишках на ламке, которую каждый вечер зашивала мама...

Познакомил нас Иркутск, где в течение почти трех месяцев шли поистине триумфальные гастроли Леонида Енгибарова.

Вечером, когда жаркий свет прожекторов обдавал морем разноцветья арену, он проказливо перепрыгивал барьер и на два часа превращался в обыкновенного мальчишку из бывшего московского предместья. Но это было только начало: безудержное веселье сменялось тихой грустью, просветленной и нежной, а потом начинался каскад ярких реприз.

Потом, когда пустел цирк и медленно гасли огни, он усталым смывал с лица грим и не спеша шел по иркутским улицам. Его узнавали. Он рассеянно кивал, потому что был занят — работал.

Он не вел счета своим выступлениям, число их давно переросло за тысячу, и каждый раз он играл себя. Нет, рождались новые сцены, пантомимы, но всегда он играл себя, свою жизнь. Он был богат настолько, что каждый вечер мог выплескивать новое и новое, ничуть не жалея накопленного годами и только что рожденного. Он приходил в гостиницу, доставал заветную тетрадь и записывал маленькие рассказы, где реальное смешивалось с фантастикой, где действовали добрые и мужественные люди. Он очень любил их, потому что всю жизнь мечтал походить на них. Он любил сказки, верил в них и очень хотел заставить поверить других.

Иногда в кругу друзей он откровенничал, говорил о том, что начинало:

— Клоун — не профессия, это мировоззрение. И уж коль вы так смотрите на мир, чем бы вы ни занимались, вы останетесь клоуном. Мне всегда кажется, что клоунада, или комическая пантомима, или комический фильм сродни сказке, где может быть и очень страшно, все обязательно абсолютно серьезно и всегда грустно, несмотря на счастливый конец, грустно потому, что кончается сказка.

...В опустевшем после представления Иркутском цирке одиноко плакала девчонка. Студентка-первокурсница, она по вечерам работала в гардеробной. И вот пропало пальто. Ее плач, по-детски захлебывающийся, слышали многие, а услышал только он. И как же рад он был, когда в один из вечеров она подкараулила его у выхода из цирка, протянула обернутый в газету цветок и

убежала. Он ухаживал за этим цветком, как за ребенком, и тот долго еще давал еле уловимый аромат в уютной комнате гостиницы, где были разбросаны атрибуты его повседневных трудов.

Он полюбил город на Ангаре, и год спустя, гастролируя в Москве, вспоминал прогулки по тихим улочкам центра.

Города, города... Они мелькали перед глазами, словно кадры цветного кино, но в каждом из них он оставлял частичку себя, заставлял людей верить в прекрасное и доброе.

Он верил в счастливые концы. Счастье не обошло его, с ним вместе смеялись, вместе грустили и вместе с ним уносили из цирка светлое, то, что помогает жить. Имя всему этому — искусство. Он очень гордился, когда его называли «интеллектуальный клоун». Он мог делать удивительные вещи, блестяще жонглировал, пластическому рисунку его акробатики мог позавидовать любой мастер. Но ему этого было мало, он всегда стремился доказать, что за всем цирковым совершенством стоит мысль.

— Часто говорят, что автор должен «наблюдать жизнь», «подсматривать». Честное слово, не знаю, что это такое. Я работаю над репертуаром ежедневно. Как? Живу... По-моему, «подсмотреть» сюжет — это все равно что написать натуралистическую, как раскрашенная рыночная фотография, картину и не добавив своего, все будет фальшиво. Да и не может, по-моему, существовать сюжет репризы или пантомимы в жизни в «чистом виде».

Он отстаивал свое право художника самозабвенно, горячо спорил, а когда не хватало аргументов, заодно говорил: «Хотите, покажу...»

Был понедельник — выходной день артистов цирка. Он целый день репетировал на манеже, а вечером его уговорили зайти в театральное общежитие актеры Тюза, студенты... Разговор шел о Станиславском и Гамлете, об Остапе Бендере... Он предла-

гал своим рисунки ролей, искажал, и... комната раздавалась. В тишине появлялись Джордано Бруно, входящий на инквизиторский костер, и смешной юноша, спешащий на свидание...

Злата Прага наградила его высшим цирковым призом. О нем писали, что он чемпион мира среди клоунов, а он каждое утро бросал и бросал зонтики, и они его слушались.

Цирк в Иркутске всегда заочно ждал этого момента. Он знал, что за четверть часа до конца представления на галерке появятся его сибирские друзья, они придут на «зонтики». И вот закончился фейерверк сказочных превращений зонтов, он стоит в центре арены, задорно смотрит по сторонам. Наступает минута волшебства. Зонт стоит на голове, на нем шляпа, шарф и пиджак артиста. Замирает бравурная мелодия оркестра. Тишина, потом легкий щелчок языком, ударили литавры, плавное движение головой, на секунду притухают огни, и снова яркий свет. Шляпа, шарф и пиджак на артисте, над головой раскрытый зонт.

К нему подходят с цветами, просят автограф. И кому-то из друзей он пишет на фотографии шульную надпись: «Я «король» карманных воров. Я почти что богат и счастлив. Я ищу человека, который носит в кармане сердце. Не могу найти».

Гастроли в Иркутске закончились, он уехал в Ереван, снимал фильм, писал книгу и ставил свой спектакль «Сердце клоуна», где все о пережитом, о смешном и грустном.

Потом мы увиделись в Москве. Билетов в цирк, конечно, не было. «Сработала» записка, переданная через вахтершу. Он выскочил прямо на улицу, в гриме, разгоряченный, потащил за кулисы.

После представления его ждали у подъезда девушки и парни с букетиками. Он улыбался, благодарил. Мы брели по Цветному бульвару, потом поехали в Марьину рощу. Кругом стояли небольшие домики, увитые зеленью. Только в одном доме светились окна. Он застенчиво улыбнулся и сказал:

— Мама не спит, волнуется... Он обещал осенью, не этой, так следующей, приехать в Иркутск. Вспомнил один свой рассказ:

«Осень... Я иду по улицам города. Уже почти коричневый лист, совсем мокрый, мелькнул под фонарем и упал к ногам. Он отдал все свои силы, чтобы весной появились зеленые побеги...»

— До осени, — сказали мы друг другу.

...Народному артисту Армянской ССР Леониду Георгиевичу Енгибарову исполнилось бы пятьдесят лет... Его нет уже с нами тринадцать... Но остались кинофильмы и книги. Осталась память.

В. ИВАШКОВСКИЙ.
ИРКУТСК—МОСКВА.

● Народный артист Армянской ССР Леонид Енгибаров на сочинском пляже.

Фото Б. Аксельрада.